

DANIEL C. WAUGH (Seattle, WA, USA)

К ИЗУЧЕНИЮ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ¹

D'ogne malizia, ch'odio in cielo acquista,
ingiura è 'l fine, ed ogne fin cotale
o con forza o con frode altrui contrista.
Ma perché frode è de l'uom proprio male,
più spiace a Dio; e però stan di sotto
li frodolenti, e più dolor li assale.

Dante, *Inferno*, XI, 22–27²

Обманщики, по мнению гениального поэта Данте, хуже тех, которые причиняют зло насильем. Поэтому он присудил их к жизни во втором круге ада. Но люди готовы верить в обманы: говорят, что мир хочет быть обманутым.³ И так обман, в виде фальсификаций и подделок, часто встречается в истории и не может не привлекать внимания историков. Начало научного источниковедения (я имею в виду работу Мабильона) связано со стремлением решить проблемы аутентичности документов.⁴ Поэтому не удивляет нас, что Александр Александрович Зимин, который преподавал дипломатику и так интересовался источниковедческими вопросами, уделял так много внимания теме фальсификаций в связи со своей постоянной заботой проверять паспорт всех источников по истории средневековой России.⁵

1. Здесь печатается в неизменном виде текст доклада, прочитанного автором на Первых чтениях, посвященных памяти А. А. Зимина, 13–18 мая 1990 г.

2. Dante Alighieri, *La Divina commedia*, ed. Giorgio Petrocchi (Torino: G. Einaudi, 1975), 45.

3. Horst Fuhrmann, "Mundus vult decipi": Über den Wunsch des Menschen, betrogen zu werden," *Historische Zeitschrift* 241 (1985): 529–41.

4. См.: С. М. Каштанов, *Русская дипломатика* (Москва: Высшая школа, 1988), с. 39–44; Christopher Brooke, "Approaches to Medieval Forgery," in his *Medieval Church and Society: Collected Essays* (New York: New York Univ. Press, 1972), 103–04.

5. Об источниковедческой работе Зимина см. Я. С. Лурье, "Об А. А. Зимине — источниковеде и текстологе", *Вспомогательные исторические дисциплины*, т. 13 (Москва-Ленинград: Наука, 1982), с. 329–31; Daniel Clarke Waugh, "A. A. Zimin's Study of the

Цель моего доклада сегодня рассмотреть работу Зимина над данной темой и применить материал из работ специалистов по истории фальсификаций в Западной Европе, чтобы нарисовать перспективы дальнейшего исследования темы фальсификации письменных источников по истории России в средневековье. Так как моя работа над данным материалом только что началась, я не претендую на то, чтобы дать ответы на все вопросы, связанные с такой сложной темой. Многолетняя работа над источниками еще лежит впереди.

В мою последнюю встречу с Александром Александровичем, как и при первом знакомстве с ним, он говорил частично о своей работе над источниками, насчет датировки и атрибуции которых он не был согласен со общепринятыми мнениями. Когда я видел его последний раз в сентябре 1979 г., речь шла частично о том, кто поддерживает его взгляды насчет «Слова о полку Игореве». Всем здесь известно, наверно, что среди папок, в которых лежала его текущая работа, толще всего были папки материалов, относящихся к «Слову». Его взгляды на этот гениальный памятник литературы древней Руси значительно повлияли на вторую половину его научной карьеры и на его отношения с коллегами.⁶

В 1968 г., только что приехав стажером в Ленинград, я послушал доклад Александра Александровича на тему «Максим Грек и Василий III». В прениях возникла острая полемика по поводу предложенной Зиминим новой датировки так называемой «Выписи о втором браке».⁷ Будучи наивным аспирантом, я удивился, что обсуждение такого (мне казалось) почти никому не известного текста может возбуждать такие эмоции. В то время я не понял, что скорее всего реакция на доклад как-то отражала еще более острую полемику на взгляды Зимина о «Слове». И так, оказывается, что не только возможные фальсифицированные источники, но и историографические споры вокруг них входят в сферу моего сегодняшнего обсуждения.

Мне кажется, что Александр Александрович разделял бы мнение покойного профессора Роберта Лопеза, который заявил: «Мы, специа-

Sources for Medieval and Early Modern Russian History,” in *Essays in Honor of A. A. Zimin*, ed. Daniel Clarke Waugh (Columbus, OH: Slavica, 1985), 1–58.

6. О споре по поводу «Слова» см.: J. L. I. Fennell, “The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the *Slovo*,” in *Russia: Essays in History and Literature*, ed. Lyman H. Legters (Leiden: Brill, 1972), 1–17.

7. Опубликованные результаты его работы см.: А. А. Зимин, “Максим Грек и Василий III в 1525 г.,” *Византийский временник*, т. 32 (1971), с. 61–84; он же, “Выпись о втором браке Василия III,” *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 30 (1976), с. 132–48; он же, “О методике изучения повествовательных источников XVI в.,” *Источниковедение отечественной истории. Сборник статей*, т. 1 (1973), особенно с. 196–205.

листы по средневековью, к сожалению, должны применять к изучению документов принцип противоположный тому, который адвокаты применяют к обвиняемым: мы считаем, что они виноваты, до того, как доказано, что они невиновны, т. е., считаем, что они подложные до того, как доказано, что они несомненно достоверные».⁸ Такой скептицизм по отношению к источникам по истории средневековой России и можно найти, конечно, не только у Зимина. Начиная с первой половины XIX века, в ходе обсуждений интеллигенцией проблемы о месте русской культуры в истории европейских народов, было много скептицизма насчет достоверности древнерусских письменных источников. В ответ скептикам начали применять постепенно методологию научного источниковедения, но и, к сожалению, иногда менее научные доказательства. Пример последнего можно найти у В. В. Григорьева в его защите достоверности ханских ярлыков русским митрополитам, где он утверждает: «В продолжение тысячелетнего существования Народа Русского духовенство наше, всегда верное высокому призванию своему, не осквернялось никогда такою ложью, такими делами духа тьмы; довольствовалось всегда тем, что имело, не стремилось к увеличению светского могущества своего путями неправыми; потому нет повода обвинять его в подлоге и в настоящем случае. . . .»⁹

Мне кажется, что подобные соображения влияют иногда на более современную историографическую полемику, как, например, между М. Н. Тихомировым и С. Н. Валком о подложности сохранившихся текстов частных русских актов до XIV в.¹⁰ Их аргументы были ослаблены прерассудками о письменной культуре древней Руси и желанием доказать аутентичность источников в одном историческом контексте и

8. Цит. из *Proceedings of the Vinland Map Conference*, ed. W. E. Washburn (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971), 31, in P. Meyvaert, "Medieval Forgers and Modern Scholars: Tests of Ingenuity," in *The Role of the Book in Medieval Culture. Proceedings of the Oxford International Symposium 26 September–1 October 1982*, ed. Peter Ganz, 2 vols., *Bibliologia*, 3-4 (Turnhout: Brepols, 1986), 1: 84. Здесь я должен признать, что один из слушателей доклада в 1990 г. резко возразил против моей атрибуции таких взглядов Зимину.

9. В. В. Григорьев, "О достоверности ярлыков данных ханами Золотой Орды русскому духовенству", *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время* (С-Петербург: Типография брат. Пантелеевых, 1876), с. 188.

10. См.: С. Н. Валк, "Начальная история древнерусского частного акта", в кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. статей* (Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937), с. 285–318; М. Н. Тихомиров, "О частных актах в древней Руси", *Древняя Русь* (Москва: Наука, 1975), с. 240–60. Ср. В. Л. Янин, "Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата", *Вестник Московского университета*, сер. IX, *История*, № 3 (1966), с. 69–80; Simon Franklin, "Literacy and Documentation in Early Medieval Russia," *Speculum* 60 (1985): 17.

не считаться с возможностью аутентичности в совсем другом контексте.

Несмотря на то, что изучение фальсификаций часто приводит к спорным выводам, ясно, что сейчас мы гораздо больше знаем о мере распространения фальсификации в средневековой России, чем знали полвека тому назад. Доказана подложность довольно многих документов, относящихся к церковным привилегиям, много генеалогических источников явно фальсифицировано, и все еще растет наше понятие о так называемой «документальной беллетристике», в которой находятся, между прочим, памятники общественной и политической мысли Московского периода.¹¹ Вклад Александра Александровича Зимина в исследование таких материалов велик. Ему принадлежат известные статьи по поводу фальсификации актов и генеалогических источников, и во многих других случаях, он пересмотрел или дополнил наблюдения других историков об источниках, где допустимо сомнение насчет авторства и датировки.¹² Среди его аспирантов С. М. Каштанов значительно расширил наше понятие о ходе «подделывания» в церковных кругах XVI в.¹³ Но в работе Зимина и других специалистов по древнерусской истории и литературе, как заметил акад. Д. С. Лихачев, внимание сосредоточено довольно узко на отдельных памятниках, и «в целом вопрос о подделках и о принципах их изучения в советском источниковедении не рассматривался». Поэтому он советует «уделять поддельным памятникам больше внимания, чем им уделялось до сих пор».¹⁴

Дело выглядит иначе, если посмотреть, что пишут историки Западной Европы на данную тему. Как заметил в 1985 г. один из крупнейших специалистов, проф. Хорст Фурман, особенно за последние годы, ли-

11. Единственный обзор — статья А. Введенского «Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв.», *Проблемы источниковедения*, т. 1 (Москва: Изд-во АН СССР, 1933), с. 85–109. См. также: Каштанов, *Русская дипломатика*, с. 118–19; Д. С. Лихачев, *Текстология на материале русской литературы X–XVII веков*, изд. 2-е. (Ленинград: Наука, 1983), с. 344–54.

12. А. А. Зимин, «К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве XVI–XVII вв.», *Труды Московского государственного историко-архивного института*, т. 17 (1963), с. 399–428; он же, «Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в.», в кн.: *Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского* (Москва: Изд-во АН СССР, 1961), с. 247–251; Он же, «Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича», в кн.: *Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей* (Москва: Изд-во АН СССР, 1952), с. 123–31; другие ссылки см.: Waugh, «Zimin's Study of the Sources,» *passim*.

13. С. М. Каштанов, *Очерки русской дипломатии* (Москва: Наука, 1970), с. 150–217.

14. Лихачев, *Текстология* . . . с. 346–47.

тература по этому вопросу выросла до неохватных размеров.¹⁵ И в сентябре 1986 г. была конференция в Мюнхене по теме «Фальсификация в средневековье», доклады которой сейчас опубликованы в шести толстых томах (более 3500 страниц).¹⁶

Если стараться охарактеризовать суть всей этой огромной историографии, полезно вспомнить, что уже в начале нашего века И. А. Линниченко заметил: «для историка признанием подложности документа не оканчивается его значение . . . за ним скрывается известный мотив, который и должен быть вскрыт историком. Познание этого мотива может дать историку весьма ценные указания на современные общественные отношения. . . . Центр тяжести, таким образом, передвигается от самого документа к мотиву, вызвавшему подделку акта».¹⁷ И проф. Джайлс Констабл недавно написал в том же духе: «Фальшивки и плагиаты . . . следуют за, а не устанавливают моду, и без парадокса можно считать их одними из самых аутентичных продуктов их времени. Поэтому они заслуживают внимание не только, чтобы отличить их от тех источников, которые считаются оригинальными и аутентичными, но также чтобы оценить их самих как исторические источники».¹⁸

Итак, хотя в новой историографии еще уделяют много внимания вопросам аутентичности отдельных источников, самая интересная работа та, в которой пишут о мировоззрении фальсификаторов и тех, которые имели дело с фальсифицированными текстами, и где пишут об исто-

15. Fuhrmann, "‘Mundus vult decipi’," 539–40; см. там его обзор литературы. Из наиболее полезных общих работ см. он же, "Die Fälschungen im Mittelalter. Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff," *Historische Zeitschrift* 197 (1963): 529–54, с обсуждениями К. Bösl, Н. Patze, А. Nitschke, ответ Фурмана и послесловие Патзе на с. 555–601; дополненный вариант той же статьи в: Horst Fuhrmann, *Einfluss und Verbreitung der pseudoisidorischen Fälschungen von ihrem Auftauchen bis in die neuere Zeit*, 3 vols., *Monumenta Germaniae Historica, Schriften*, 24 (Stuttgart: L. Hiersemann, 1972–73), 1: 64–136; Brooke, "Approaches to Medieval Forgery," *passim*; Giles Constable, "Forgery and Plagiarism in the Middle Ages," *Archiv für Diplomatik* 29 (1983): 1–41.

16. *Fälschungen im Mittelalter. Internationaler Kongress der Monumenta Germaniae Historica, München, 16–19 September 1986*, 6 vols., *Monumenta Germaniae Historica, Schriften*, 33 (Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1988) [далее — *Fälschungen*]. Я очень благодарен коллеге проф. Роберту Стэйси за ссылку на эту публикацию и на некоторые другие работы по данной теме. Здесь надо добавить, что С. М. Каштанов обсуждал вопросы, поднятые на конференции, в 4-х частней статье, "К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья", *Археографический ежегодник за 1988 г.*, с. 25–30, *за 1989 г.*, с. 50–54, *за 1990 г.*, с. 34–40 и *за 1991 г.*, с. 33–41. К сожалению, я ее видел только после написания своего доклада.

17. И. А. Линниченко, "Грамоты Галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторический источник", *Известия Отделения русского языка и словесности*, т. 9 (1904), кн. 1, с. 90.

18. Constable, "Forgery and Plagiarism," 2.

рических условиях, вызывающих фальсификацию. Нет спора о том, что масштаб фальсификации на средневековом Западе огромен (кажется, что XI-XII в. был «золотым веком» распространения подделок), но есть большое разнообразие мнений о том, как относились поддельщики и их современники к проблеме. С одной стороны, есть те, которые утверждают, что их отношения к подделкам незначительно отличались от нашего отношения к таким «преступлениям».¹⁹ А с другой стороны, утверждают, что средневековое понятие о фальсификациях было своеобразным.²⁰ Если принять последние аргументы, можно даже говорить о «подлинных фальшивках» — т. е. о случаях, где, например, документ подделанный, но в нем выражается общепринятая истина.²¹ Так может быть в случаях, где в эру развития письменной культуры нужно было доказывать то, что не было подтверждено письменным свидетельством в эру, когда преобладала устная традиция.²²

Даже если бы у меня сегодня было часа три, я не мог бы дать вам достаточно подробного представления о всех достоинствах (и погрешностях) огромной литературы по поводу фальсификации в западном средневековье, но даже беглое знакомство с ней вызывает идеи по перспективам дальнейшего изучения фальсификации в средневековой России.

Мне кажется, что нужно не только предпринимать такое изучение на более широком фундаменте, чем было сделано до сих пор, но обязательно использовать сравнительный материал. Из такого материала мы получим идеи не только возможных методологических подходов, но и конкретных тем, которые пока мало исследованы. Сравнительный подход, конечно, имеет свои ограничения, и мы не должны ожидать, что письменная культура развилась на Руси в средневековье совершенно так, как на Западе. Но пересмотреть наше представление о развитии письменной культуры древней Руси в связи с исследованием фальси-

19. Elizabeth A. R. Brown, "Falsitas pia sive reprehensibilis: Medieval Forgers and Their Intentions," *Fälschungen* 1: 101–19; cp. Peter Herde, "Die Bestrafung von Fälschern nach weltlichen und kirchlichen Rechtsquellen," *Fälschungen* 2: 577–605; он же, "Römisches und kanonisches Recht bei der Verfolgung des Fälschungsdelikts im Mittelalter," *Traditio* 21 (1965): 291–362.

20. Особенно Констабл и Фурман, в цитированных работах (см. прим. 14).

21. Peter Landau, "Gefälschtes Recht in den Rechtssammlungen bis Gratian," *Fälschungen* 2: 11–49.

22. См.: Brooke, "Approaches," 114–15; Eleanor Searle, "Battle Abbey and Exemption: The Forged Charters," *English Historical Review* 83 (1968): 449–80; Egon Boshof, "Gefälschte 'Stiftbriefe' des 11./12. Jahrhunderts aus bayerisch-österreichischen Klöstern," *Fälschungen* 1: 519–50; M. T. Clanchy, *From Memory to Written Record. England 1066-1307* (Cambridge MA: Harvard Univ. Press, 1979), chaps. 7–9.

фикаций наверно придется. Особенно полезным в этом пересмотре будет применение опыта историков, которые ссылаются на материал из области сравнительной антропологии.²³

Одна из проблем изучения фальсификаций — решить, что понимать под этим термином и, следовательно, как ограничить тему. Мне кажется, что западные медиевисты были правы, когда на конференции в Мюнхене они обсуждали не только общие вопросы, но и такие специфические вопросы, как понятие истины у писателей нарративных источников, легенды о родоначальниках царствующих династий, подложные литургии, подложные иммунитетные грамоты, и много другого. Там, где есть аналогичные материалы в русских источниках, в большинстве случаев стоило бы заново рассмотреть их с точки зрения современных подходов к изучению фальсификаций. Здесь я могу дать только некоторые примеры.

В западной историографии сейчас уделяют внимание легендам о чудесах и мощах святых, особенно с тем, чтобы понять лучше психологические аспекты развития культов.²⁴ Давно уже устаревшие работы Ключевского и Голубинского не могут удовлетворять нас в изучении развития интереса к проверке достоверности свидетельств о чудесных событиях и вещах.²⁵ Вполне возможно, что такое развитие прольет свет на одновременное развитие методологии проверки достоверности актовых источников.²⁶ Но важен не только подход к установлению аутентичности в высших инстанциях, а также понятие аутентичности в неграмотных слоях традиционного общества.

Другой вид источников, на которые обращают внимание исследователи фальсификации — юридический материал. Частично в ответ на утверждение, что подделка не считалась преступлением, историки сейчас систематически анализируют развитие закона по вопросу и свиде-

23. Из редких примеров таких работ см.: Franklin, "Literacy and Documentation"; Daniel Kaiser, *The Growth of the Law in Medieval Russia* (Princeton: Princeton Univ. Press, 1980).

24. См.: Klaus Schreiner, "Zum Wahrheitsverständnis im Heiligen- und Reliquienwesen des Mittelalters," *Saeculum* 17 (1966): 131–69; он же, "Discremen veri et falsi. Ansätze und Formen der Kritik in der Heiligen- und Reliquienverehrung des Mittelalters," *Archiv für Kulturgeschichte* 48 (1966): 1–53; Benedicta Ward, *Miracles and the Medieval Mind. Theory, Record and Event 1000–1251* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1982); František Graus, "Fälschungen im Gewand der Frömmigkeit," *Fälschungen* 5: 261–82. Об историчности житий святых см., например: Georg Scheibelreiter, "Die Verfälschung der Wirklichkeit. Hagiographie und Historizität," *Fälschungen* 5: 281–319.

25. См.: Paul Bushkovitch, *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries* (New York: Oxford Univ. Press, 1992).

26. Н. Костомаров, "Церковно-историческая критика в XVII-м веке", *Вестник Европы* (апрель 1870), с. 479–506.

тельства о процессах.²⁷ Хотя в древней Руси первое упоминание о подделке документа, видимо, относится к XII веку, судебные нормы насчет подделки как преступления установлены значительно позже.²⁸ В XVI и XVII веках растет документация судебных процессов.²⁹ Но насколько мне известно, этот материал еще ждет систематического изучения.

Есть и другие аспекты изучения юридического материала, которые привлекают внимание. Оказывается, что понятие о том, что фальшиво, а что подлинно в законодательных памятниках, как и в других письменных источниках, не очень четко устанавливается.³⁰ Дело в том, что много текстов — например, канонического права — приписаны авторитетным лицам, которым они не принадлежат.³¹ Хотя можно установить, что атрибуции таких текстов подложны, тексты могут все-таки отражать действующие судебные нормы, которые были общеприняты. Мне кажется, что такая картина существует в истории редактирования и распространения древнерусских сводов закона. В области их изучения, много сделано для того, чтобы установить время появления отдельных редакций и установить авторитетные тексты, но, может быть, нам еще нужно изучать вопрос о принятии и понятии авторитета этих текстов среди последующих поколений.³²

27. См. прим. 19; Stanley Chodorow, "Dishonest Litigation in the Church Courts, 1140-98," in *Law, Church, and Society. Essays in Honor of Stephan Kutner*, ed. Kenneth Pennington and Robert Somerville (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1977), 187-206; Charles Duggan, "Improba pestis falsitatis: Forgeries and the Problem of Forgery in Twelfth-Century Decretal Collections (with Special Reference to English Cases)," *Fälschungen* 2: 319-61. О развитии методологии определения подделок, см.: V. H. Galbraith, *Studies in the Public Records* (London/New York: T. Nelson, 1969), 48-52; Wilfried Hartmann, "Fälschungsverdacht und Fälschungsnachweis im früheren Mittelalter," *Fälschungen* 2: 111-27; Reinhard Härtel, "Fälschungen im Mittelalter: geglaubt, verworfen, vertuscht," *Fälschungen* 3: 29-51.

28. Franklin, "Literacy and Documentation," 22. См., например, Судебник 1550 г., ст. 59, и Уложение 1649 г., гл. 4.

29. *Памятники русского права*, в 8 тт. (Москва: Гос. изд-во юридической литературы, 1952-63), т. 4, с. 247. Мне пока недоступна работа А. А. Жижиленко *Подлог документов* (С-Петербург: Невская типография, 1900), где см. особенно гл. 6.

30. Jean Gaudemet, "'Traduttore, traditore' — Les Capitula Martini," *Fälschungen* 2: 51-65; Landau, "Gefälschtes Recht," где он пишет (стр. 12): «Есть поэтому широкое пространство между аутентичностью и фальшивостью: понять как апокрифическое все, в чем нет полной аутентичности, значит слишком уменьшить масштаб подлинных памятников закона».

31. Roger E. Reynolds, "Pseudonymous Liturgical in Early Medieval Canon Law Collections," *Fälschungen* 2: 67-77; Amnon Linder, "Constantine's 'Ten Laws' Series," *ibid.*, 2: 491-507.

32. Для блестящего примера анализа ранней истории текстов церковного права, см.: Я. Н. Шапов, *Княжеские уставы и церковь в древней Руси* (Москва: Наука, 1972). Здесь уместно заметить, что тема эта была предложена Шапову А. А. Зиминным.

Центральную роль в истории фальсификаций на Западе и в средневековой России занимает церковь, а особенно деятельность церкви в расширении ее юридических и экономических привилегий. Именно из-за увеличения числа церковных подделок в XI–XII веках в Европе, считается, что это золотой век фальсификации на Западе. В России, кажется, такой период значительно позже — начиная с середины XVI века. Именно тогда появилось большое количество актов подделок крупных монастырей, и тогда, видимо, был составлен подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру, вместе с пространной редакцией свода ханских ярлыков, которая сама по себе — тип подделки.³³ Хотя много уже написано о развитии конфликта в области церковных привилегий и имущества, мне кажется, что письменные источники относительно этого еще нуждаются в изучении. Утверждения о хронологии событий и достоверности источников иногда опираются на источники, достоверность которых еще недостаточно доказана.³⁴ Особенно в период, когда фальсификация источников стала, кажется, нередким исключением, мы должны, как проф. Лопез, подозревать все, пока не доказана невиновность.

Примеры определенных тем для дальнейшего исследования можно умножить, но в заключение я хочу вернуться к одному общему вопросу. В истории исследования фальшивок на Западе ясно, что в разные времена предвзятые взгляды отрицательно повлияли на способность ученых объективно анализировать источники.³⁵ Из-за религиозных убеждений (или скептицизма по отношению к религии) или патриотических чувств, атаковали аутентичность подлинных источников или отказывались принимать аргументы в пользу поддельности других источников. Вопрос о фальсификации источников часто ставится как вопрос моральный. И выражение сомнения об аутентичности известного памятника иногда принимается как нападение на культурные достижения народа, хотя на самом деле поднятие таких сомнений может повысить нашу оценку культуры этого же народа в другой период его истории.³⁶ К сожалению, в современном мире не только обманщики, но

33. См. прим. 12 и 13; П. Соколов, "Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру", *Русский исторический журнал*, т. 5 (1918), с. 70–85; А. А. Зимин, "Краткие и пространные собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам", *Археографический ежегодник за 1961 г.* (Москва: Изд-во АН СССР, 1962), с. 28–40.

34. *The Council of 1503: Source Studies and Questions of Ecclesiastical Landowning in Sixteenth-Century Muscovy. A Collection of Seminar Papers*, ed. Edward L. Keenan and Donald G. Ostrowski (Cambridge MA: Kritika, 1977).

35. См.: Meyvaert, "Medieval Forgers."

36. В современных источниковедческих работах над текстами московского периода есть яркий пример того, что я имею в виду здесь в откликах на взгляды проф. Э. Кинана

и те, которые стараются их обличать, осуждены жить во втором круге ада. Обвиняют их иногда в крайнем скептицизме, хотя есть те, которые уверяют, что есть еще много источников по истории западного средневековья, которые сейчас считаются подлинными, а в самом деле, на-верно, окажутся поддельными. Проблема в том, как утверждает Карл-рихард Брюль, что часто историки недостаточно строго применяют методологию научной дипломатики при изучении такого материала.³⁷ Такое мнение разделял бы Александр Александрович Зимин, который в свое время защищал преподавание дипломатики против нападок на нее в том самом институте, который сегодня почитает его.

По-моему, у нас пока только темные представления о масштабе распространения фальсификаций в средневековой России. Я признаю, конечно, что крайний скептицизм Папebroxa не выдержал критики Мабильона, но не забывайте, что благодаря первому появилась знаменитая *De re diplomatica* второго.

University of Washington

по поводу аутентичности сочинений, приписанных кн. А. Курбскому и царю Ивану Грозному. Не без интереса в связи с вопросами, поднятыми Кинаном соображения Дж. Констабла: Giles Constable, "Forged Letters in the Middle Ages," *Fälschungen* 5: 11–37.

37. Carlrichard Brühl, "Die Entwicklung der diplomatischen Methode in Zusammenhang mit dem Erkennen von Fälschungen," *ibid.*, 3: 11–27.